

ТРИ ЧАСА ВДОХНО- ВЕНИЯ

ПРОЙДЕТ несколько месяцев, и появится новая долгоиграющая пластинка. Не знаю, как она будет называться. Может быть, так: «Ираклий Андроников. Устные рассказы (новые записи)».

Принесет человек домой эту пластинку. Бережно протрет суконкой черный диск. Включит радиолу. И все услышат знакомый голос мудрого, наблюдательного, веселого собеседника. Потом в комнате зазвучат другие голоса: глуховатый, с придыханием — Маршака, высокий, резкий — Фадеева, старческий, тихий — Марии Михайловны Саппаровой-Абашидзе, ветерана грузинской сцены. И это будет все тот же Андроников, кажется, единственный на земле человек, способный не пародировать, а перевоплощаться в других людей. Воспроизводить не только тембр голоса, жесты, походку, но и движение мысли... Мне посчастливилось на

днях присутствовать при рождении новой пластинки. Было это в студии фирмы «Мелодия» на улице Станкевича.

Квадратный зал с высоким сводчатым потолком. Несколько рядов стульев. Нет привычной сцены с подмостками. Рассказчик не возвышается над слушателями, ничем не отделен от них. И это создает обстановку непринужденную, почти домашнюю: переставешь замечать микрофоны и провода... Что ж, так и должно быть. Ведь и пластинку люди будут слушать у себя дома, удобно расположившись на диване или в мягком кресле.

«Четыре часа из жизни Блока»... Силой таланта сразу двух блистательных рассказчиков — Всеволода Иванова и Ираклия Андроникова воссоздается здесь во плоти живой, пленительный и трагический образ великого поэта. Слова как бы обретают форму и цвет. Ви-

дишь ослепительно белый снег на набережной Мойки. Узорчатые чугунные решетки моста. И одинокую молчаливую фигуру поэта...

Мы слушаем Андроникова с таким благоговением, с каким когда-то в голодном и замерзшем Петрограде Всеволод Иванов слушал лекцию Александра Александровича Блока.

Женщина впереди меня испуганно прижала к губам платок. Сейчас, в эти мгновения, громкий кашель был бы кошунством...

Перерыв. Звукорежиссер и операторы колдуют над пленкой. Ираклий Луарсабович может несколько минут отдохнуть... Отдохнуть? Куда там. Здесь же сидят люди. Им интересно, они ждут. Не надо заставлять их ждать. Операторы не готовы? Неважно. Можно рассказать что-нибудь не для записи, а просто так. Для удовольствия. И слушателей, и своего собственного. (Между прочим, это суще-

ственно: когда Андроников рассказывает, нет ощущения, что он производит какую-то трудную и ответственную работу. Нет! Ему очень нравится это делать. Он сам не меньше слушателей увлечен своим рассказом. И когда в очень смешном месте все начинают хохотать, и он не может удержаться от смеха).

Начинаются своеобразные «интермедии».

Коротенькая новелла о шести рублях, полученных переводом из Тюмени со строгим наказом: прислать за эти деньги книгу с автографом и шесть пачек нафталина; о телефонном звонке — из Тюмени же — за пять минут до Нового года по поводу этих шести рублей; и другие веселые подробности милого розыгрыша, устроенного Агнией Львовной Барто.

Или о том, как два остроумнейших человека — Михаил Светлов и Ираклий Андроников ехали по военному предписанию из Тбилиси в Москву и что из этого вышло.

А еще — об одном настырном старике, собравшем замечательную коллекцию документов и материалов войны 1812 года, и о том, как на радио записывали выступление этого старика...

Честное слово, жаль, что эти «интермедии» не войдут в пластинку. Но кто знает, может быть, это «зерна», «зародыши» новых андрониковских рассказов?

Потом были исполнены «Рекомендация Перцову Петру Петровичу», «В гостях у дяди», «Вариации на темы Маршака»... Более трех часов без перерыва длилась запись. Андроников, увы, немолодой и не обладаю-

щий завидным здоровьем человек, рассказывал все так же увлеченно, весь отдаваясь стихии импровизации, с юношеским темпераментом воспроизводя то шуточный спор Фадеева с Асеевым, то интонации совсем по-детски обиженного и огорченного Маршака.

Это были три часа самого высокого искусства. И очень хочется, чтобы те, кому посчастливится достать новую пластинку Андроникова, прежде чем бережно протереть ее суконкой и включить радиолу, вспомнили бы эту заметку, представили себе квадратный зал студии с высоким сводчатым потолком. Строгий костюм, белоснежные волосы и вдохновенное лицо рассказчика.

Б. ЕВСЕЕВ.